

Новосибирский государственный медицинский университет
Красный пр., 52, Новосибирск, 630091, Россия
E-mail: glebov99@ngs.ru

ТЕМА ВОЙНЫ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ГЕГЕЛЯ

В статье осуществлена реконструкция содержания учений западных философов о войне, произведена историко-философская оценка значимости их работ как для времени их появления, так и для наших дней. Проанализированы соответствующие тексты Гераклита, Демокрита, Платона, Плутарха, Макиавелли, Гоббса, Руссо, Гегеля. Многие суждения о войне и военном искусстве опережают свое время и иногда даже остаются не только непонятыми, но и незамеченными при жизни авторов.

Ключевые слова: война, история философии, военное искусство, парадигма Платона, парадигма Макиавелли.

При исследовании разработки тематики войны в истории философии, особенно на переломных ее этапах, представляется важным осуществить реконструкцию содержания учений философов о войне и произвести историко-философскую оценку значимости их работ как для времени их появления, так и для наших дней.

Методологически базисным для данного исследования будет концепция «генезиса философии в широком смысле» как процесса перманентного порождения философии общественным сознанием [Горан, 1997]. Конкретный уровень нашей методологической позиции заключается в установке на анализ философских воззрений с учетом того, что они возникли в соответствующие эпохи и в соответствующих исторических условиях. Важной методологической особенностью исследования является также его компаративистская составляющая.

Еще один значимый для нас методический принцип мы формулируем, отталкиваясь от наблюдения, сделанного И. В. Можейко [Можейко, 1989. С. 6–7], который подчеркнул, что из-за технического прогресса современности проистекает в определенной степени недоверие к интеллектуальным достижениям наших предков. Принимая во внимание это его замечание, одним из принципов данной работы будет требование не считать мыслителей прошлого ограниченными, чего-то не понимающими

и действовавшими по несерьезным причинам. Если они думали, писали и поступали именно так, как они это делали, это значит, что задачи, которые перед ними стояли, требовали именно таких мыслей и поступков.

Практически со своего зарождения философия как бы отодвинула на обочину непосредственного внимания проблему войны. Возможно, произошло это потому, что в парной категории благо / зло понятие блага оценивалось как ведущее, особенно в онтологическом и гносеологическом планах. Разумеется, было бы неверно утверждать, что философское осмысление войны совсем отсутствовало, однако письменные источники не сохранили сколько-нибудь подробных работ философов, посвященных специально проблемам войны.

Буквально четыре фрагмента **Гераклита** можно соотнести с проблематикой войны, но скорее по формальному признаку: упоминанию слов «война», «битва», «сражение». Самый известный фрагмент традиционно трактуется как изложение закона борьбы противоположностей, т. е. считается, что упоминание войны символическое, и зачастую здесь слово «война» переводится как «борьба». «Война (*πολεμος*) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других людьми, одних творит рабами, других – свободными» [Фрагменты..., 1989. С. 202]. Но даже при буквалистском толковании

всех 4 фрагментов как имеющих отношение к нашей теме возможны лишь достаточно ограниченные выводы: так, несомненно, что Гераклит одобряет оборонительную войну и (говоря современным языком) вооруженную защиту легитимного устройства государства. «Народ должен сражаться за попираемый закон как за Стену» [Там же. С. 247], (имеется в виду стена полиса, в современной терминологии следовало бы комментировать «как за границу государства»). Также Гераклит прославляет павших в бою: «Убитых Аресом боги чтут и люди. Души, павшие в бою, чище тех, что в болезнях» [Там же. С. 244]. Однако, например, утверждать, что он осуждает агрессора, невозможно, и, во всяком случае, гераклитовых этических оценок напрямую эти фрагменты не содержат. Признание войны фундаментом миропорядка влечет за собой утверждение высокого миротворящего статуса войны / борьбы как источника мировой гармонии. Это с необходимостью включает ценностное отношение к войне, но в имплицитном виде. Иначе говоря, на наш взгляд, имеется серьезное основание считать, что Гераклит внес существенный теоретический вклад в становление основы «платоновской» парадигмы отношения к войне.

По сведениям Диогена Лаэртского, Демокрит написал сочинения «О военном строе» и «О вооруженном бое» [Диоген Лаэртский, 1979. С. 374], но они не сохранились. В средневековом сборнике мудрых мыслей «Флорилегия / Пчела» приводятся цитаты из Демокрита, возможно, восходящие к этим его сочинениям, однако без специального исследования за точность этих цитат ручаться нельзя. Впрочем, «Флорилегия / Пчела» пользовалась широкой популярностью вплоть до Возрождения включительно, и в тот период цитаты считались подлинными.

В «Послании владычному на Угру» архиепископ Вассиан Рыло, побуждая Великого Московского князя Ивана III сражаться с татарским войском, писал: «Слыши, что глаголит Демокрит, философам первый: Князю подобает имети ум ко всем временным, а на супостаты крепость, и мужество, и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок» [Полное собрание..., 1959. С. 271]. Как видим, он апеллирует не только к христианским ценностям, но и к авторитету Демокрита, причем в качестве одного из

решающих аргументов. При этом в послании Вассиана в качестве авторитетов персонально упомянуты только предки князя Ивана (Игорь, Святослав, Владимир Мономах, Дмитрий Донской) как *практики* победоносных войн и лично храбрые люди, и Демокрит, *теоретически* обосновавший необходимость военной храбрости. Весьма интересно и то, что *православный старец*, обращаясь к *православному князю*, опирается на суждение не просто язычника, а именно *материалиста и рационалиста* Демокрита. Заслуживает пристального внимания и то, что архиепископ Вассиан отдает пальму первенства среди философов Демокриту, а не первому в хронологическом ряду Фалесу, и не первому как лучшему в тогдашней традиции Аристотелю, и не популярнейшему тогда (и особенно в ученых кругах) Платону. Означает ли это, что Демокрит в эпохи Средневековья и Возрождения мог считаться весьма авторитетным философом именно в военных вопросах? Возможно, да.

Как показал М. Н. Сперанский, слова «философам первый» принадлежат именно Вассиану Рыло, а остальной текст цитированного фрагмента взят им из сборника «Пчела» старшей редакции, своеобразного компендиума высказываний великих людей, этот сборник пользовался большой популярностью на Руси в то время. Эта редакция восходит к поздней и сокращенной версии сборника «Флорилегия» Максима Исповедника. Она была переведена на Руси не позднее XII–XIII вв. [Сперанский, 1904].

В связи с этим возникает интересная проблема, весьма важная и для историографии, и для истории философии. Среди сохранившихся фрагментов Демокрита нет высказываний, хотя бы аналогичных тому, которое цитируют Вассиан Рыло и Максим Исповедник. В то же время приводимые в «Пчеле» изречения Аристотеля, Анаксагора, Диогена, Софокла, Плутарха, Эврипида, Феогнида и других имеют прямые соответствия в известных текстах. Тогда возможно, что данный фрагмент взят или из книги «О военном строе», или из книги «О вооруженном бое» (что кажется более вероятным по смыслу фрагмента), которые считались пропавшими уже в эпоху эллинизма. Не исключено, что эти книги Демокрита все же сохранялись в Византии и пропали значительно позже при взятии Константинополя турками, а может быть, даже были увезены

Софьей Палеолог на Русь. Тогда сохраняется шанс разыскать если уж не книги, то новые фрагменты Демокрита в той части старых русских государственных архивов, которые были похищены поляками и шведами в Смутное время, помещены в их архивы и до сих пор по большей части не описаны. Неофициально известно, что значительное количество рукописей сохранилось (в Польше, в силу исторических причин, хуже, чем в Швеции), но признано, что даже попытка каталогизировать их вызовет неприемлемый не столько научный, сколько политический скандал, и поэтому официально наличие этих рукописей до настоящего времени не признается. Мы полагаем, дело в особенностях менталитета современных европейцев (в том числе экспертно-ученого сообщества), в котором заложено, что предъявления требований о реституции к России допустимы и возможны, однако не предоставляет ни малейшей возможности даже гипотетического обсуждения чего-либо подобного относительно «цивилизованных стран». Хотелось бы, конечно, надеяться, что потребность человечества в непредвзятом изучении истории, в том числе истории философии, возобладает, например, через институты ЮНЕСКО, над ложно понимаемыми соображениями престижа.

Во всяком случае, есть основания полагать, что Максиму Исповеднику был доступен источник, из которого была взята обсуждаемая цитата, следовательно, экземпляр книги Демокрита, трактовавшей вопросы военного искусства, существовал в VIII в. Таким образом, греческий текст, цитируемый Вассианом Рыло, в переводе на русский, вероятно, содержит ранее не известный фрагмент Демокрита, посвященный военному искусству. Известны, как минимум, два списка версии «Флорилегии», которые можно использовать для дальнейшего исследования этой проблемы: один в Парижской Национальной библиотеке, второй в библиотеке Лоренцо Медичи во Флоренции, тот, с которым работал М. Н. Сперанский.

Следующим из древнегреческих философов, кто уделил достаточно подробное внимание вопросам военного строительства, был **Платон**. Основное внимание в его диалогах уделено личному мужеству воина, решимости и мастерству полководца и

принципам организации касты воинов. Справедливость или несправедливость войн практически не обсуждается, равно как и принципы стратегии и тактики. Можно сделать вывод, что в силу своей самодостаточности идеальное государство ведет лишь справедливые оборонительные войны. Впрочем, обоснования, почему идеальное государство не может быть агрессором, нет. Другими словами, Платон исследует личную этику полководца и воина, основания для существования армии, но не значение войн в обществе и истории. Война, по Платону, имманентно присуща человеческой истории, и причина любой войны – стяжательство, свойственное яростному началу человеческой души. О причинах войн у Платона говорится лишь однажды (не только в «Государстве», но и среди всех его работ), зато уж мнение выражено несомненно и прямо: «Значит, нам придется отрезать часть от соседней страны, если мы намерены иметь достаточно пастбищ и пашен, а нашим соседям в свою очередь захочется отхватить часть от нашей страны, если они тоже пустятся в бесконечное стяжательство, перейдя границы необходимого» [Платон, 1994. С. 135]. Через несколько строк подчеркивается, что именно это и есть причина любой войны. Пока существует яростное начало души (которое, как отмечает Платон, легче воспроизводится, чем разумное), война есть неустранимая тень истории. Поскольку задача философии в том, чтобы вывести людей из пещеры, где теней множество, на свет Блага, где тени уничтожаются сами собой, то философии и нет необходимости так уж внимательно вникать в причины войн. Именно в таком подходе, по нашему мнению, и содержится суть «платоновской парадигмы» по проблеме войны. В целом эта парадигма и до сих пор доминирует. Именно с этой парадигмой боролся Макиавелли, именно ей создавал альтернативу.

Плутарх Херонейский, в силу тематической специфики его произведений, просто вынужден обсуждать вопросы войны более подробно, как из-за того, что герои его произведений по преимуществу полководцы, так и большего внимания к морально-этическим вопросам, которые так или иначе социальны. Собственная его этика с современной точки зрения сомнительна (например, называя Фукидида «варварофилом»

только за попытку объективно описать ход Пелопонесской войны, Плутарх вызывает вполне отчетливые ассоциации с американскими плантаторами, именовавшими любых даже не защитников, а просто людей, пожалевших негров, «чернолюбями»). Разумеется, в историческом контексте следует признать этику Плутарха соответствующей передовым устремлениям современного ему общества. Полководцы, отмеченные печатью божественного провидения, войны выигрывают, в немалой степени благодаря личному обаянию и влиянию его на войско. Враги-варвары служат просто объектом приложения сил, военная тактика есть продукт личного гения военачальника. Если в диалогах Платона рост значения индивидуализма даже вопреки методологической установке на холизм можно связать с процессом разложения полиса как социальной структуры, то у Плутарха гипостазис личности полководца вызван кризисом всей эллино-римской ойкумены. В этот период такой подход был общим, римские историки также писали историю героических личностей, а не страны.

Весьма велико значение творчества Плутарха для формирования мировоззрения **Никколо Макиавелли**. Макиавелли любил произведения Плутарха и использовал во всех своих основных работах. Характерен такой эпизод, оказавший большое влияние и на личность Макиавелли, и на его творчество. В октябре 1502 г. Макиавелли прибыл на переговоры с Чезаре Борджиа и его «генералами» (руководители отдельных корпусов в армии Борджиа именовались капитанами, но соответствуют современному организационному и статусному понятию «генерал») в город Пьеве области Имола, лежавшей недалеко от границ Флорентийской республики. И сразу после начала переговоров, прямо в присутствии флорентийского посла, Чезаре своих «генералов» вместе с их личной охраной арестовал, а некоторых и убил. Остальных «генералов» он убил уже по окончании переговоров, 1 января 1503 г. Они действительно собирались сами свергнуть Чезаре, но герцог их опередил, а переговоры с Флорентийской республикой использовал, *в том числе*, и для того, чтобы усыпить бдительность заговорщиков. Так вот именно в ходе этих переговоров Макиавелли посылает срочного курьера во Флоренцию, чтобы ему привезли «Сравнитель-

ные жизнеописания» Плутарха. К сожалению, вряд ли мы сможем установить, понадобился Плутарх для аргументации в переговорах, или для, так сказать, метасравнительного анализа деятельности Чезаре, или в качестве драгоценного подарка контрагенту по переговорам. Каждый из этих вариантов мог бы по-новому осветить нюансы мировоззрения Макиавелли, но независимо от того, какой из них (или какая их комбинация) ближе к истине, несомненно значение книг Плутарха для Макиавелли. По результатам этих событий Макиавелли в январе 1503 г. пишет наиболее важную из своих малых работ – «Описание того, как герцог Валентино избавился от Вителлоццо Виттели, Оливеротто да Фермо, Синьора Паоло и герцога Гравина Орсини». Именно в ней встречаются впервые в текстах Макиавелли понятия «фортуна» и «стратагема» как концептуально нагруженные термины. Во всех больших работах Макиавелли от «Государя» до «Истории Флоренции» легко обнаруживается знакомство с материалами как «Сравнительных жизнеописаний», так и «Моралий» Плутарха.

Сам Макиавелли более известен как автор трудов по политической философии, однако у него есть работа, по непонятным причинам, как правило, относимая к узкоспециальным военным трудам, ныне представляющая, мол, лишь исторический интерес. Речь идет о трактате «О военном искусстве» [Макиавелли, 1939]. На самом деле кроме наличия несомненных литературных достоинств, трактат содержит принципиально новую для своего времени концепцию военной стратегии и тактики. Оригинальными были положения Макиавелли не только о всеобщем военном образовании населения, о регулярных сборах ополчения за государственный счет для отработки практических маневров, но и конкретные схемы действий на уровне от батальона и выше. Эта концепция была воспринята гораздо позже и помогла Французской республике отбиться от всей Европы. Трактат заслуживает отдельного специального разбора. Многие его положения не устарели и до сих пор, и уж во всяком случае он заслуживает не меньшего внимания, чем «Государь». Понимание этого отчетливо выражено, например, в предисловии к упомянутому изданию 1939 г., где справедливо, на наш взгляд, сказано: «Ознакомле-

ние с книгой Макиавелли поможет командиру РККА лучше изучить историю военного искусства... укрепит его оперативное и тактическое мышление и создаст необходимую почву для лучшего понимания строительства и боевой подготовки Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [Макиавелли, 1939. С. 6]. И в XXI в. идеи Макиавелли по проблемам массового вооружения народа, необходимости многоуровневого военного обучения, осуждения принципа наемной армии и другие находятся в центре дискуссий о военном строительстве наиболее развитых государств.

Гоббс Томас, был первым философом Нового времени, в чьем творчестве значительное место занимают вопросы войны. Самая ранняя работа Гоббса – перевод с древнегреческого на английский язык сочинения Фукидида о Пелопонесской войне (1628 г.). Публикация собственной работы в 1642 г. «О гражданине» трактует вопросы революции и гражданской войны, «Левиафан» (1651 г.), кроме знаменитой концепции «войны всех против всех», содержит конкретный исторический и историко-философский материал по проблемам войн, внутренних и внешних, и революций. Неудивительно, что обе книги, как и основные работы Макиавелли, были внесены в «Индекс запрещенных книг». Гоббс дает определение войны, разграничивает войны внешние, внутренние и мятежи, выводит право на войну из неограниченности суверенитета государства, иллюстрируя свои тезисы конкретными историческими примерами. Достаточно сказать, что в алфавитном указателе к «Левиафану» война и связанные с ней термины занимают почти страницу. Гоббс рассматривает войну как один из важнейших факторов и при формировании государства, и при его функционировании, и при смене государственного строя. Утверждения о необходимости в критические моменты истории всеобщего вооружения народа и о важности военного обучения, с одной стороны, перекликаются с трудами Макиавелли, а с другой – значительно опередили свое время. Учение Гоббса о причинах войны, коренящихся в природной человеческой агрессивности и одновременно – в необходимости присущей государству потребности в организованном насилии, оказало влияние в дальнейшем на многие антропологические и философские построения, например, на социалдарвинизм.

Руссо Жан-Жак, в «Рассуждениях о вечном мире» апеллирует к попытке французского короля Генриха IV Наваррского, добившегося 20-летнего перемирия в череде гражданских войн, установить гегемонию в Европе. Собрав шестидесятитысячное войско и создав самый большой на тот момент флот (20 военных кораблей), король (превозносимый Руссо как средоточие культуры и благочестия, сдобренного вполне простибельным, по мнению Руссо, цинизмом) имел полную возможность «установить в Европе вечный христианский мир... но кинжал наемного убийцы возможно уже навсегда сверг Европу в беззаконие» [Руссо, 1998. С. 108]. Заметим, что вскоре после публикации трактата Руссо «император Французской республики» Наполеон собрал десятикратно превосходящие мечту Руссо численно и несоизмеримо выше технически оснащенные вооруженные силы для вторжения в Россию (а всего на май 1812 г. у него под ружьем был почти миллион человек). И несмотря на то, что Бонапарт был несравнимо талантливее как полководец, к тому же предвосхитивший, а то и прямо предопределивший не только военную практику, но и военную теорию Новейшего времени, гегемония Франции в Европе осталась лишь мечтой. Руссо был первым из европейских философов, который пытался положить в основание своих суждений о войне «парадигму Макиавелли», правда, самого Макиавелли, в соответствии с прочной тогда традицией, осуждает за имморализм и прочие грехи. Аналогично своей знаменитой формуле «крестьянка лучше принцессы», в «Рассуждениях о вечном мире» Руссо подчеркивает преимущества народной армии перед дворянско-кондотьерской, особо выделяя роль армии в национальном сплочении и развитии патриотизма.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих обращался в своих работах к примерам из военной истории и современных ему событий (наполеоновских войн) для иллюстрации своих положений. Однако самым примечательным в рамках избранной темы будет тот факт, что военные проблемы у Гегеля возникают и как вывод из общетеоретических положений. В рукописи «Система нравственности», при жизни не опубликованной, он пишет: «Но особенное даже как абсолютное понятие и как органическая целокупность, как народ есть особенное, и поэтому не считаются противостоящими друг другу, поскольку полагаются идеально

как отрицаемые, – сторона отрицания абсолютного понятия, – а не идеально – как существующие. Народ, который не находит себе признания, должен добиться этого признания через войну и колонии» [Гегель, 1978. С. 352]. Здесь интересно стремление добиться равных прав с другими народами путем, в том числе, войны и захвата колоний. Рассматривая народ одновременно и как целостность, и как обособленность не только от других народов, но и от Абсолюта, Гегель, как следует из приведенной цитаты, считает, что факт существования народа еще не значит, что этот народ следует признавать как часть истории, пока он не доказал это войной и захватом колоний. Факт существования народа, как и другие факты физического мира, еще не означает для Гегеля признания того, что эти факты суть проявления их причастности магистральному направлению развития Абсолюта. Только обособившись от других, вступив с ними в жесткую борьбу, народ может стать признаваемой исторической целостностью. Интересно заметить, что в качестве цивилизованных в рамках его философии мыслятся только те народы, в истории которых разворачивается Мировой Дух. Таковы европейские народы, а люди, живущие в колониях, – не народы, а ресурс для окультуривания. Налицо проявление психологии, расцветшей позже, в эпоху империализма. Как видим, война значима для Гегеля в качестве средства подтверждения статуса народа как субъекта истории. Такая ее оценка соотносится с его пониманием роли диалектического закона единства и борьбы противоположностей в истолковании истории. Таким образом, Гегель как бы замыкает линию рассуждений, идущую в западной философской традиции, заложенной утверждением Гераклита о том, что война – «отец всех, царь всех». Нельзя также не заметить, что концепции осмысления войны от Гераклита до Гегеля развивались вполне в соответствии с гегелевским законом отрицания отрицания.

Выводы

Многие суждения о войне и военном искусстве опережают свое время, и иногда даже остаются не только не понятыми, но и незамеченными при жизни авторов. К сожалению, часто всю глубину прозрения можно оценить лишь постфактум. Следовательно, необходим анализ, который позволит выяснить, как многим философам удается пред-

восхитить основные тенденции развития концепций войны, и почему, тем не менее, такое понимание, как правило, не востребуется обществом.

Если рассматривать положение П. К. Анохина об отражении пространственно-временного континуума внешнего мира в континуум электрохимических реакций мозга и формирование сознания как опережающего отражения в качестве онтологическо-гносеологической основы для мировоззренческих выводов, то можно опираться на теорию опережающего отражения, рассматривая предвосхищение философами некоторых феноменов социальной жизни, как событий, так и идей. Первоначально, в качестве гипотезы, можно предположить, что условием такого проявления предвосхищения является мета мировоззренческое теоретизирование. Когда предметом анализа являются общие закономерности развития мировоззрения и философии переломных этапов развития социума, тогда рефлексия исследователя истории философии не только обязана быть методологически выверенной, но и должна опираться на материал нескольких эпох. При таком подходе философу и удастся выявить такие закономерности, которые могут оказаться существенными и для будущего.

Список литературы

- Гегель Г. В. Ф.* Политические произведения. М.: Наука, 1978.
- Горан В. П.* О социально-исторической обусловленности генезиса греческой философии // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 113–119.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
- Макиавелли Н.* О военном искусстве. М.: Воениздат, 1939.
- Можсейко И. В.* 1185 год. М.: Наука, 1989.
- Платон.* Государство. Соч.: В 3 т. М.: Наука, 1994. Т. 3.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: В 3 т. / Изд. подгот. С. П. Маркиш, С. И. Соболевский, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.
- Полное собрание русских летописей.* М.: Л., 1959. Т. 26. С. 266–273.
- Руссо Ж. Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М.: Мысль, 1998.

Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. Исследования и тексты. М., 1904.

Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1.

Материал поступил в редколлегию 08.12.2009

E. V. Glebov

**THE THEME OF WAR IN THE WESTERN PHILOSOPHICAL TRADITION
FROM ANTIQUITY UP TO HEGEL**

In the paper we reconstruct the content of the theories of war in Western philosophical tradition. We evaluate their feasibility and historical significance then and now. Especial attention is given to Heraclitus, Democritus, Plato, Plutarch, Machiavelli, Hobs, Rousseau, and Hegel. It becomes clear that many ideas on war and military art are ahead of their time, and sometimes remain misunderstood and even neglected during their life.

Keywords: war, history of philosophy, military art, paradigm Plato, paradigm Machiavelli.